

Речевой этикет в культурной традиции русского дворянского общества XIX в.*

Ковалева Т. В.

Речевой этикет в культурной традиции любого общества или сообщества является нравственной рефлексией на их взаимоотношения, мировоззрение и поступки. Он становится отражением повседневной жизни общества, упрощая ее с помощью установленных норм и правил. Этикет, как и мораль, является элементом жизни общества, который подстраивается под культурные, социальные и исторические условия. Несмотря на свое стремление к «долженствованию», этикет является живым организмом, который тонко реагирует на малейшие изменения в обществе. Однако при этом он становится маркером только данного культурного сообщества, четко проводя границы между своими и чужими.

На процесс формирования нравственной культуры русского дворянского общества значительное влияние оказывала западноевропейская этикетная традиция. Этика, прежде всего, речевая, отражала сложный процесс формирования нравственной культуры общества, норм, понятий, представлений. Речевой этикет способствовал выработке нравственного сознания, выстраивания ценностных приоритетов, повседневных поведенческих норм. XVIII век — это время становления новых социальных отношений, коммуникационных процессов, характеризующееся обостренной этической рефлексией, что связано было с выработкой отвлеченных понятий, этической лексики, терминологии. С петровских времен русское дворянское общество постоянно формировало культуру поведения через систему нравственного воспитания. Воспитание дворянина стало важным моментом культурной традиции общества, где основополагающая роль отводилась следованию нормам, установленным «дворянским кодексом чести». Еще в XVII в. Симеон Полоцкий в произведении «Вертоград многоцветный» обозначил моральные нормы поведения ребенка из благородной семьи. Названия стихов «Зависть», «Обличение», «Завет» и т. д. настраивали читателя на диалог с самим собой, на анализ своих поступков. Духовные наставления стали первым этапом

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ (Проект № 12-03-00550).

формирования личности благородного человека. Достаточно вспомнить, что именно в XVIII в. в Словаре Российской академии фиксируется термин нравственность, А. П. Сумароков создает «кодекс чести дворянина». В своих статьях и стихах он обращается к «серединному» дворянству, поскольку сам относился к нему. Автор, используя особый жанр — сатиру, критикует нравственные изъяны общества, призывая обратить особое внимание на воспитание подрастающего поколения. Продолжая традицию морализаторства, Сумароков строит диалог с читателем, как систему коммуникации, в основе которой опять лежит духовная проповедь. Нравственные нормы поведения должны были стать отличительной чертой дворянина XVIII в. На их основе складываются различные формы общения между людьми, и именно они должны были стать консолидирующим моментом, который смог бы объединить столь разрозненное дворянское общество. Русское дворянское общество представляло собой многослойное сообщество людей с разным статусом, размером состояния, принадлежностью к группировкам и т. д. С появлением помещиков и обнищавших дворян разобщенность дворянского общества возросла. Очевидно, что был необходим общий свод правил поведения, который отражал общественные порядки, мировоззрение всех слоев дворянского общества.

Обычаи, правила вежливости формируются своей национальной культурой, но при этом могут быть заимствованы у других народов. Причиной такого заимствования может стать и общность культурных традиций, принадлежность к единому сословию, модные тенденции. XVIII век воплотил в себе все эти тенденции. К концу столетия русское дворянское общество ощущало себя уже частью мирового дворянского сообщества, в котором требования к поведению, речи, манерам перешли на высший уровень. Межличностная коммуникация требовала жесткого соблюдения этикетных норм во всех сферах жизни. Культурные традиции, смешиваясь, вносили от себя новый элемент в космополитизм мирового дворянского общества. Так появлялись модные течения разновидностей этикетных норм, которые закреплялись в текстах через систему коммуникации. Французское и английское дворянские общества стали предметом подражания для русского дворянства. Французский язык становится маркером принадлежности к мировому сообществу дворян. Постепенно общекультурные правила этикета в России становятся непременным условием повседневного общения членов дворянского сообщества. Если в XVIII в. нормы и правила носили, скорее, ре-

комендательный характер, то уже в начале XIX в. они становятся жесткими этикетными требованиями.

Условия и причины смены кода двух языков — французского и русского

Филолог В. М. Блинохватова дает распределение сфер/ареалов употребления французского и русского языков в коммуникативном континууме. Языковое обеспечение ареала высших коммуникативных функций осуществляют русский и французский языки. При этом что русский язык используется исключительно при написании официальных бумаг, писем, отчетов, прошений, обращений к высокопоставленным лицам. Очевидно, что в первой четверти XIX в. строгого закрепления этикетных норм за каждым из языков в сфере письменной коммуникации не существовало. Пушкин пишет письмо на имя императора Александра I на французском языке, но потом, сомневаясь в корректности использования французского языка, обращается к Жуковскому с советом: «Впрочем, да будет воля твоя, если покажется это непристойным, то можно перевести»¹. В большинстве случаев вышеуказанный пример был для русского дворянского общества скорее закономерностью, чем исключением. Вяземский объясняет «неправильность языка» в случае перевода речи государя императора на русский язык тем, что французский язык в начале XIX в. выработал развитую базу канцеляризмов, с учетом развития социально-политических и экономических отношений во Франции. Для российского общества «многие слова политического значения, выражения чисто конституционные были нововведениями в русском изложении. Надобно было над которыми призадумываться»². Все это приводило к тому, что многие не видели смысла особо стараться корректно излагать подобные фразы на русском языке, что приводило к полной или частичной интеграции французских слов или словосочетаний, которые составляли определенное семантическое поле, в русский политический лексикон. Однако закрепление канцелярской сферы за русским языком требовало перевода первоначально составленных текстов на французском языке на русский. Данное требование было продиктовано полити-

¹ Пушкин А. С. Собр. соч. Т. 13. М., 1965. С. 167.

² Вяземский П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 189.

ческими соображениями, ведь русское государство должно было оставаться русским, несмотря на сильное влияние Франции и французского языка. Поскольку большинство дворянской молодежи должно было служить или по статской, или по военной службе, то неудовлетворение уровнем русского языка в данной сфере не могло не волновать их. Оно являлось катализатором многих идей о некоем контроле за соблюдением правильности русской речи в пределах русского дворянского общества. А также выработки наиболее правильных эквивалентов французских политических терминов на русском языке. Эти языковые процессы способствовали укреплению позиций русско-французского билингвизма.

В XVIII в. некоторые слои общества, по словам Вяземского, использовали французский язык в качестве обращения, поскольку считали, что так «как-то почтительнее и вежливее». «Заговаривать по-русски казалось слишком запросто и фамильярно»¹. В начале следующего столетия эта традиция сохранилась. Вяземский вспоминает один из многочисленных случаев, когда князь Шкаликос впервые был представлен литератору Дмитриеву. Он обратился к Дмитриеву «*mon general*», хотя тот был человек не военный. Безусловно, это лишь частный пример. Выражение уважения в этом случае является не только почитанием старости, но и почтением перед известным литератором. Ошибки на французском языке в обращении были более порицаемы, нежели на русском. «К ошибкам на отечественном языке оказывалось вообще более терпимости»². Вяземский объясняет это тем, что в России существовал недостаток в словарях, в хороших грамматиках и книгах. Русских учителей и воспитателей вообще не было. К середине XIX в. ситуация меняется в пользу русского языка, поскольку стало престижно говорить на русском **литературном языке**. В семье была возможность обращения на русском языке. Он использовался в обращении к людям старшего поколения, однако существуют некоторые отхождения от правил. Собственно, схемы очень условны, поскольку в каждом случае включается множество факторов выбора того или иного языка. Это и ситуативная сторона вопроса, этикетная, отношения между собеседниками, цель коммуникации, автоцензура и т. д. Обычно переход на русский язык мог происходить в сниженной бытовой ситуации или это снижение было сознательным.

¹ Там же. С. 432.

² Там же. С. 432.

Так, обращение к дамам требовало педантичного исполнения этикета. Он предписывал мужчинам обращаться, вести разговор и писать письма к дамам только на французском языке. О. П. Козодавлев, министр внутренних дел, в письме к Д. П. Руничу пишет: «...я разумею переписку французскую гр. М., надв. сов. К. и г-жи Н...»¹. На примере писем Пушкина к дамам можно определить этикетные нормы эпистолярного жанра. Первые письма, обращенные к женщинам, датируются 1824 г. Собственно, здесь фигурирует только одна особа — княгиня В. Ф. Вяземская. Письмо к ней Пушкин пишет исключительно на французском языке. Следуя временной хронологии, можно обобщить все письма, написанные **только** на французском языке, как письма к дамам не из семейного круга. Принадлежность к семье позволяла мужчине обращаться к даме все также почтительно, но на русском языке. Так, например, Пушкин в период ухаживания за Натальей Гончаровой пишет ей письма на французском языке (письмо № 329, 1830 г.), с октября 1830 г. он переходит на русский язык. Это означало, что Н. Н. Гончарова стала его невестой. Невесте можно было писать по-русски, т. е. корреспондент мог уже отойти от высокого стиля, каковым он обязан был писать любой женщине, не состоящей с ним в семейном родстве. Это подтверждают письма Пушкина, написанные им П. А. Осиповой, А. П. Керн, В. Ф. Вяземской, Е. М. Хитрово в этот же период времени, все они написаны им на французском языке. А. С. Грибоедов в письме к Булгарину описывает сцену объяснения в любви Нине Чавчавадзе. «... выходя из-за стола, я взял ее за руку и сказал ей: “Venez avec moi, j’ai guelgue chose ávous dire!” (Пойдемте со мной, я хочу вам что-то сказать)»². Этикетная форма передачи знаков уважения корреспондента дамам (не родственникам) через третьи лица, то есть через мужей или родственников, довольно четко давала понять, насколько близкие дружеские узы связывают их. Так А. Бестужев-Марлинский пишет письмо к князю Вяземскому на русском языке и лишь в конце делает приписку на французском: «P.S. Veuillez bien, mon prince, de fairemes hommages à m-me Votre èpouse» (Благоволите, князь, передать мое почтение Вашей супруге)³. Это письмо от 18 января 1824 г. демонстрирует читателю начало дружеских отношений между автором и

¹ Козодавлев О. П. Переписка // Красный архив. 1927. Т. 6. С. 204.

² Булгарин Ф. Сочинения. М., 1990. С. 651.

³ Бестужев-Марлинский А. А. Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1958. С. 618.

Вяземским. Тогда как в другом письме, написанном им спустя год, речь письма становится более доверительной и указывает на то, что дружба между ними приобрела иной характер. Именно этот факт подтверждается тем, что Марлинский передает поклон жене Вяземского на русском языке. Такие тонкости в употреблении или отхождении от этикета раскрывают внутренний мир дворян, их культуру. Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» полностью построен на таких этикетных тонкостях, которые современному читателю недоступны, а значит, многие причинно-следственные связи ускользают от него.

Однако среди них есть исключения, которые интересны с точки зрения отхода от этикета и проявления тенденций билингвизма.

Интересен и тот факт, что женитьба не давала право жениху, а потом и молодожену, на первых порах, обращаться в письмах к теще или дамам, из вновь породнившейся семьи, на русском языке. Пушкин пишет письма Н. И. Гончаровой, своей теще, на французском, и только в 1834 г. он обращается к ней на русском языке.

«Милостивая государыня матушка Наталья Ивановна, как я жалею, что на пути моем из Петербурга не заехал я в Ярополец; я бы имел и счастье с Вами свидеться... » (Около (не позднее) 25 августа 1834 г. Из Полотняного Завода в Ярополец).

Дальнейшие письма его к теще написаны исключительно на русском языке.

Однако существуют исключения из правил. Так, письмо Пушкина к своему брату Л. С. Пушкину состоит из двух частей: в первой части письма Пушкин обращается к брату: «Пиши мне по-русски, потому что, слава богу, с моими конституционными друзьями я скоро позабуду русскую азбуку», вторая часть, как бы вне логики родства, написана по-французски и адресована родной сестре. Значит, обращение на французском языке намеренное, поскольку оно противоречит вышеуказанному заявлению и этикетным нормам родства. Исходя из вышеизложенного, можно сделать предположение, что содержание этой приписки на французском языке несет особую смысловую нагрузку. Она состоит, в основном, из осторожных вопросов. Выбранный высокий стиль письма подразумевает некую отстраненность и салонность. По вопросам ясно, что они давно не виделись (*Etes-vous de retour de votre voyage? quand revenez-vous à Pétersbourg? êtes-vous mariée, êtes-vous prête à l'être? doutez-vous de mon amitié?* — Вернулись ли **Вы** из путешествия? Когда **Вы** вернетесь в Петербург? **Вы** замужем или собираетесь замуж? **Вы** со-

мневаются в моей дружбе?), а выбор обращения на «вы» вообще говорит о том, что они могут быть в ссоре, тогда становится совершенно ясен выбор французского языка как некоего маркера дистанционного отношения Пушкина к сестре. Любопытен и другой случай выбора французского языка Пушкиным в письме к брату Л. С. Пушкину (1822 г.) с обращением на «вы». В этом случае двойной отход от этикета должен был заставить оппонента отнестись к содержанию письма предельно серьезно. (*Les principes que je vous propose, je les dois à une douloureuse expérience. Puissiez-vous les adopter sans jamais y être contraint. Ils peuvent vous sauver des jours d'angoisse et de rage. Un jour vous entendrez ma confession; elle pourra coûter à ma vanité; mais ce n'est pas ce qui m'arrêterait lorsqu'il s'agit de l'intérêt de votre vie.* — Правила, которые я вам предлагаю, приобретены мною ценой горького опыта. Хорошо, если бы вы могли их усвоить, не будучи к тому принужденными. Они могут избавить вас от дней тоски и бешенства. Когда-нибудь вы услышите мою исповедь; она дорого будет стоить моему самолюбию, но меня это не остановит, если речь идет о вашей жизни).

Существует еще два письма на русском языке, которые адресованы Пушкиным двум женщинам, которые не принадлежат его семье или семье его жены. Одно письмо адресовано кавалерист-девице Н. А. Дуровой от 19 января 1836 г., в котором он обращается к ней, как к мужчине: «Милостивый государь Александр Андреевич? ...». Это один повод написать ей на русском языке, минуя этикетные предписания. Есть и вторая причина, по которой Пушкин пренебрег этикетом, это тот факт, что письмо имеет деловой характер. В нем речь идет о не дошедшей до Пушкина «Рукописи» Дуровой, и упоминается о крайней необходимости в ней. Это деловое письмо, выдержанное в этикетном стиле обращения к мужчине и коллеге по «литературному цеху». Подобно по характеру и письмо к писательнице А. О. Ишимовой. Из него становится ясно, что эта дама также и замечательная переводчица. Их связывает профессиональная деятельность, если так можно выразиться. Поскольку Пушкин стремился стать профессиональным писателем, который живет за счет продаж от своих произведений, то похвала уже признанного писателя является показателем того, что данная дама для него коллеги и к ней можно обратиться, минуя этикетные правила.

Эти письма раскрывают этикетный билингвизм, а именно самые общие тенденции. В других письмах, как упоминалось выше, есть исключения, которые интересны с точки зрения исследования

биллингвизма. Если переписка с родными велась на русском в рамках повседневного общения, то переписка с друзьями также имела подобный оттенок. Дружеская переписка с мужчинами позволяла сознательное снижение стилистики речи. Французский язык требовал изысканности речи, особенно холодной отстраненности. Письмо Дегильи от 6 июня 1821 г. было написано Пушкиным с использованием безличных конструкций, что позволяло создать максимальную отстраненность в отношении к оппоненту (*Il ne suffit pas d'être un J. F.; il faut encore l'être franchement. A la veille d'un foutu duel au sabre, on n'écrit pas sous les yeux de sa femme des jérémiades et son testament.* — Недостаточно быть трусом, нужно еще быть им в открытую. Накануне паршивой дуэли на саблях не пишут на глазах у жены слезных посланий и завещание).

Этикет написания писем на французском языке требовал изысканных выражений, которые не могли выразить душевное состояние русского человека. Особенно тогда, когда его эмоциональное состояние требовалось выразить в более резких выражениях. Пушкин пишет так: «Милостивая государыня Наталья Николаевна, я по-французски браниться не умею, так позвольте мне говорить вам по-русски, а вы, мой ангел, отвечайте мне хоть по-чухонски, да только отвечайте» (письмо Н. Н. Гончаровой. Около (не позднее) 29 октября 1830 г. Из Болдина в Москву). Еще один пример ярко иллюстрирует его слова. В письме к Наталье Николаевне Пушкин прерывает французский текст письма вставкой на русском языке. По характеру содержания становится ясно, что подобный текст можно написать только на русском языке. Он описывает ситуацию, которая произошла с ним в дороге. «Вы не по казенной надобности изволите ехать? — Нет, по собственной самонужнейшей. — Так извольте ехать назад на другой тракт. Здесь не пропускают. — Давно ли? — Да уж около 3 недель. — И эти свиньи губернаторы не дают этого знать? — Мы не виноваты-с. — Не виноваты! А мне разве от этого легче?» (письмо Н. Н. Гончаровой. 18 ноября 1830 г. Из Болдина в Москву). Это подтверждает слова Пушкина из предыдущего письма. Но это касается только членов семьи. Для знакомых возмущенные письма должны были быть написаны на изысканном французском языке, нормы поведения требовали четкости и холодности тона и исключали любые прямые оскорбления. Это подтверждает письмо Пушкина, адресованное брату Льву Сергеевичу. В нем он дает наставления, как нужно вести себя в обществе, чтобы не уронить свою честь. «Будь холоден со всеми; фамильярность всегда вредит;...» (письмо А. С. Пушкина Л. С. Пушкину от 4 октября 1822 г.).

Другой пример был взят из воспоминаний С. А. Прошина, воспитателя Павла I: «Когда Государыня с Великим Князем по-французски говорить изволит, то называет его *Monsieur le Grand Due, vous* «Государь Великий Князь, вы», а говоря по-русски, изволит ему говорить ты, тебе, батюшка»¹. Хотя это и не эпистолярный жанр, а мемуарный, ситуация наглядно демонстрирует соотношение и позиции русского и французского языков. Французский язык для светского, этикетного обращения, а русский для бытового, даже сниженного до уровня простонародного — *батюшка*. Французский требует местоимения в вежливой форме — *вы*, а русский позволяет использовать обращение на *ты*. Без сомнения, эпистолярный жанр более подвержен автоцензуре, чем мемуарный, поскольку последний ближе к разговорной речи. «Речь идет о существовании книжной языковой системы, связанной с письменными традициями и некнижной системой, связанной с обыденной жизнью»². Существование смешанных текстов, когда письмо пишется сначала на русском, а потом на французском и наоборот, Успенский относит к процессу вытеснения одного языка другим или смешением их в тех или иных формах.

Утвердившаяся жесткая иерархия в языковой и культурной коммуникациях впоследствии привела к отрицанию светского этикета как единственно верной концепции консолидации дворянского общества. Вместо сплочения русских дворян в единое сообщество происходит еще большее их размежевание. Французский язык так и остается маркером принадлежности к этому обществу, но в отношении светского этикета разночинская молодежь выдвигает идею нигилизма, которая ставит под сомнение нормы и идеалы предыдущих лет. Клеопатра Светозарская фиксирует эту проблему на страницах своего произведения «Светский человек, изучивший свод законов общественных и светских приличий», которое вышло в свет в 1880 г. Во вступлении она высказывает мысль о том, что светский этикет — это не то, что человеку навязано извне, а то, что помогает ему жить в обществе себе подобных. «...этикет не только не стесняет свободу человека, но ... впитывается так сильно в кровь и мозг ребенка, что делается для него потребностью на всю жизнь, облегчая сношения с людьми, сглаживая все могущие встретиться непри-

¹ Песков А. М. Павел I. М., 2003. С. 235.

² Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX вв. М., 1985. С. 5.

ятные столкновения и давая душе какое-то радостное спокойствие, так как истинная благовоспитанность неразрывно связана с любовью к ближнему и полным отсутствием эгоизма»¹. При этом гендерная проблематика оставляет право говорить о возрастающем напряжении в отношениях между мужчиной и женщиной и о возрастающей роли женщины в обществе, где светский этикет жестко отводил им второстепенную роль через барьеры в общении. Стремление стать равной мужчине ломало эти барьеры и требовало новых знаний и наработок.

«Поступки людей, их взаимоотношения, всегда конкретны, имеют свое частное, особенное содержание, за ними стоят определенные и вполне достаточные для совершения данных поступков эмпирические мотивы»². Для русско-дворянского общества XIX в. речевой этикет давал нравственную оценку содержанию поступков каждого из его членов. С одной стороны — жесткие рамки каждой модели коммуникации повседневной культуры этого общества облегчали взаимопонимание внутри сообщества, а с другой — делали недоступными для понимания поступки для представителей других сообществ. Разработанная моральная концепция (кодекс чести дворянина) предыдущим поколением дворян была направлена на высшее благо, как идея духовного совершенствования. Именно такая форма речевого этикета для русско-дворянского общества представлялась им наиболее продуктивной и жизнеспособной для придания этой социально-культурной среде нравственно абсолютного смысла.

Сократ как умелый игрок в мяч (Заметка об одной древней форме прикладной этики)

Косых М. П.

С кем и чем только ни сравнивали Сократа: с сатиром и силеном, с полым изваянием, скатом, оводом, фазаном и павлином, жертвенным бараном, декадентом. В этой заметке обращается внимание на уподобление Сократа в «Беседах Эпиктета» (II, 5, 18-20)

¹ Светозарская К. Светский человек. Л., 1991. С. 7.

² Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика. М., 1998. С. 23.